

МИФ, ОТ ИСТОКОВ К АВТОРСКОЙ МИФОЛОГИИ

Е.Ю. Капишникова, В.Л. Темкина

Оренбургский государственный университет

Поступила в редакцию 16 декабря 2016 г.

Аннотация: статья посвящена изучению мифа и мифологии в мировой культуре, а также возрождению мифологической традиции в литературе XX века и появлению новой, авторской мифологии на примере творчества Дж. Р. Р. Толкина.

Ключевые слова: миф, мифология, мифотворчество, мифология Севера, Дж. Р. Р. Толкин.

Abstract: the article is devoted to the study of myth and mythology in world culture, to the reappearance of mythological tradition and introduction of new mythology in literature of XX century.

Key words: myth, mythology, mythmaking, Norse Mythology, J. R. R. Tolkien.

«... мы вышли из мифа и возвратимся к мифу»

«Миф» — один из широко употребляемых терминов в ряде гуманитарных наук, которые изучают язык, историю, культуру, религию, искусство, философию и ряд других аспектов духовной культуры человечества. Этимологически слово «миф» имеет индоевропейский корень (*meudh— / mudh-*), обозначающий *заботу о чем-то, страстное желание чего-то*. В древнегреческой культуре это слово имело множество значений, так Гомер определял «миф» как *мысль, приказ, совет, намерение, цель* и т. д., а Гесиод под словом «миф» имел в виду *нечто важное*, причем это важное могло быть и правдой, и ложью [1].

Позже в древнегреческом языке появилось множество других значений слова «миф» — *миф как речь, миф как вымысел, полупоэтическое предание о жизни предков, воображение, ложь, слух* и др. В дальнейшем появился термин «мифология» как *процесс изложения мифа, совокупность мифов народа, а также рассуждение о мифах и их изучение*.

С течением времени спектр значений слова сжался. Средневековье оставило свой отпечаток на понятие «миф», сузив его значение до обозначения языческих верований или форм фольклорного творчества, наделенных отрицательными оттенками [2].

В XX веке наблюдалась тенденция к полисемантизации термина «миф», и в современной культуре можно заметить его многозначность. В наше же время широко распространена идея, заложенная в просветительском рационализме Гегеля и Маркса, о том, что миф — это давно пройденный этап культуры. Но так ли это? Можно ли согласиться с этим, когда идея, зародившаяся еще в трудах Дж. Вико и Ф. Ницше, о циклическом возвращении мифа в культурно-исторический процесс, ярко выражена в современной культуре (в кинематографе, литера-

туре, искусстве) [1]. К этой идее также примыкает парадоксальная мысль о том, что место мифа — не столько в прошлом или настоящем, сколько в будущем, и человечество рано или поздно снова *возвратится* до мифа. Миф невозможно создать насильно, он был действительностью и, может быть, снова ей станет. Когда человечество исчерпает все свои интеллектуальные возможности, в конце пути оно снова узрит миф.

Русский философ и филолог А. Ф. Лосев утверждал, что миф сам по себе является необходимой категорией мысли и жизни, и в нем нет ничего случайного, ненужного или выдуманного. По мнению Лосева, миф — это реальность, это и есть та самая жизнь со всеми ее надеждами и страхами, ожиданиями и отчаяниями, со всей ее повседневностью [3].

В истории духовной культуры человечества миф занимал и занимает в наше время особое место. За многообразием значений этого слова скрыта целая сфера духовности, так как мифологическое пространство можно расценивать как пространство души. В истории культуры миф — первая форма сознания первобытной родовой общины, ее способ мировоззрения и восприятия окружающего мира [4], ведь миф это не просто образы, которые возникли в сознании отдельно взятого индивидуума, а образы, которые закрепились в слове и стали достоянием целого коллектива [5].

МИФОЛОГИЯ КАК НАУКА

Мифология как наука изучает мифотворческую деятельность сознания, которая сопровождает всю историю первобытного и цивилизованного человечества с его развитыми формами культуры [1]. Для первобытного человека мифы не являлись литературными произведениями, они были отражением его сознания, определяли его психическое состояние и, как следствие, состояние окружающего мира, а также состояние коллективное, которое человек

испытывал не поодиночке, а совместно.

Французский философ и антрополог Л. Леви-Брюль утверждал, что в мифе первобытный человек обретал сопричастность социальной группы с его собственным прошлым, слушая миф, группа чувствовала себя мистически сопричастной с тем, кто сделал это племя таким, какое оно есть [6]. При поверхностном рассмотрении истории духовной культуры человечества можно сказать, что мифотворчество — это не только остаточное явление первобытного мифопоэтического величия, но и проявление недостаточно изученных особенностей духовности, которые кроются глубоко внутри нас [1].

Специалист в области теории развития и философии В. М. Найдыш утверждал, что мифология как научно-рациональное постижение сущности, содержания и форм мифотворчества имеет довольно длительную историю [1]. Мифология как наука развивалась на протяжении двух с половиной тысячелетий, и в ней можно выделить несколько периодов развития — *периоды расцвета мифологии* (для них характерны ремифологизация сознания, когда влияние рационального на сознание ослабевает, а наука и ее роль в жизни общества воспринимаются критически) и *периоды упадка мифологии* (для них характерны демифологизация сознания и укрепление рационального в сознании общества) [2].

С развитием рациональности сознания человека начали складываться условия для превращения мифа в предмет теоретического изучения и возникновения научно-рационального постижения мифотворчества. Первые попытки рационального осмысления мифологии можно найти еще в древнегреческой культуре [1] — древнегреческий поэт Гесиод в своем труде *«Теогония»* пытался «привести в систему отдельные мифы гомеровской эпохи и придать им нравственно-богословский колорит» [7].

Средние века были эпохой взлета рациональности и первых научных успехов. Основой средневековой культуры стало религиозное мировоззрение и, как следствие, все античное было потеряно или забыто. Ветхий и Новый заветы были трактованы теологами средневековья буквально, подрывая значимость мифологии и низводя античных богов до бесов [4]. Миф воспринимался как языческое невежество, а мифология была дискредитирована [8].

В эпоху Возрождения в мифологии увидели выражение чувств и страстей человеческой личности. Миф стали трактовать аллегорически. Большое значение для развития мифологии сыграло открытие Америки в XV веке — знание о ней обогатилось знанием культуры американских индейцев. Появились первые предпосылки сравнительной мифологии — основатель сравнительно антропологии Жозеф-Франсуа Лафито в 1724 году написал книгу *«Нравы американских дикарей в сравнении с нравами древних времен»*, в которой пытался сопоставить североамериканских индейцев и их культуру с древними греками [4]. В это же время итальянский философ Дж. Вико в своем сочинении *«Основания новой науки об общей природе наций»* называет мифологию *«божественной поэзией»* и говорит, что своеобразие мифологии связано с неразвитыми формами мышления, которые характерны для детской психологии [9].

В эпоху Просвещения был сделан шаг назад. Это было связано с тем, что французские просветители, такие как Б. Фонтенель, Вольтер, Д. Дидро и Ш. Монтескье рассматривали мифологию как суеверие, они видели в ней продукт невежества и обмана. Немецкий философ И. Г. Гердер стал переходной ступенью от критических суждений просветителей. Гердер шагнул навстречу романтизму — рассмотрев мифы разных народов, изучив их поэтичность и национальное своеобразие, увидел в них народную мудрость. В Романтизме мифология занимала место между природой и искусством [4]. Для романтиков миф стал той категорией, которая способна объединять в себе нечто реальное и фантастическое, идеальное и материальное [8].

В первой половине XIX века начинается эпоха конкретно-научного изучения мифотворчества: формируются эмпирические и теоретические подходы к изучению мифологии, начинают накапливаться эмпирические данные о мифах разного времени и различных народов первобытности и до наших дней. Все это позволило выявить закономерности для первобытного и современного мифотворчества [1]. Во второй половине XIX века немецкий философ и классический филолог Ф. Ницше призывал обратиться к утраченным силам мифа как к источнику обновления человека и культуры. В своем труде *«Рождение трагедии из духа музыки»* он писал: *«...без мифа всякая культура теряет свой здоровый творческий характер природной силы: лишь оставленный мифами горизонт замыкает целое культурное движение в законченное целое. Все силы фантазии и аполлонических грез только мифом спасаются от бесцельного блуждания»* [10].

Развитие научных представлений о мифе связано и с исследованиями в области лингвистики. Советские ученые А. А. Потемня и А. Н. Афанасьев, англо-немецкий филолог М. Мюллер исследовали роль языка в создании конкретных мифов и происхождении мифологии в целом [4]. М. Мюллер рассматривал мифологию как продукт деградации языковых процессов, он говорил, что *«мифология, бывшая отравой древнего мира, есть, в самом деле, болезнь языка»* [11].

Теоретический уровень, который нацелен на постижение сущности мифотворчества, сегодня развивается, но, к сожалению, здесь еще мало целостности и единства. Для достижения теоретической целостности, внутренней организованности и систематичности необходимо создание единой теории

мифа. В настоящее время мифология как наука находится на пути к единой теории — предстоит работа по решению ряда непростых научных и философских проблем [1].

МИФОЛОГИЯ СЕВЕРА

Всякая мифология есть отражение народа, ее создавшего. Это отражение ценностей и анти-ценностей, принятых народом. Еще один важный компонент, который характеризует мифологию того или иного народа — среда обитания. Чем дальше продвигаемся на север Европы, тем суровее мифология — боги становятся более жестокими, битвы кровопролитнее, а судьбы безнадежнее. Мифология скандинавов — наиболее яркий образец такого «нагнетания» и «нарастания драматизма» [12]. Атмосферу мифологии Севера очень точно описал русский поэт И. А. Бунин в своем стихотворении «Один»:

*Он на Запад глядит — солнце к морю спускается,
Светит по морю красным огнем.*

*Он застыл на скале — ветхий плащ развевается
От холодного ветра на нем.*

*Опираясь на меч, он глядит на багровую
Чешую беспредельных морей.*

*Но не видит он волн — только думу суровую
Означают изгибы бровей.*

*Древен мир. Он древней. Плащ Одина, как ветрище,
Ржа веков на железном мече...*

*Черный ворон Хугин, скорбной Памяти детище,
У него на плече [17].*

Первые сведения по мифологии западных германцев появились в труде древнеримского историка Тацита «Германия» (1в. н. э.), где упоминалось о ряде богов, сопоставимых с богами скандинавской мифологии [13]. Первые упоминания о Скандинавии относят к античности, когда древнегреческие моряки, совершая плавания на север, рассказывали о Фуле Крайней (для греков слово Фула значило «предел познанного мира») — возможно, это были западные земли современной Норвегии или Исландии [12].

В мировой истории скандинавы заявили о себе немного позже. Северные варвары «ворвались» в Европу, начав свои завоевания с фризов и саксов. Их стали называть норманнами («северные люди»). Появление в Европе «северных людей» в корне изменило ее этническую карту, а также направление развития истории и культуры. Если раньше цивилизация развивалась с Юга на Север (Юг принес на Север утонченную культуру, технический прогресс и религию), то теперь Север «выплеснул» на Европу всю свою пассионарность. Норманны наладили морское сообщение на Балтике, в Северном море, укрепились на землях от Нормандии до Испании и от Новгорода до Нормандии и утвердили свой кодекс

чести и веру, которая позже получила название «мифология викингов».

Скандинавская мифология — это совокупность мифологических представлений древних скандинавов второй половины II тыс. до н. э. — I тыс. н. э.; она является ветвью древнегерманской мифологии [14].

Систематические данные по скандинавской мифологии охватывают лишь последние столетия до принятия Северной Европой христианства. Они отражены в главных литературных источниках — исландских сагах:

«*Старшая Эдда*» (сборник мифологических и героических «песен», который дошел до нас в рукописи, датируемой 2-й половиной XIII века);

«*Младшая Эдда*» (учебник поэтического искусства скальдов, составленный исландцем Снорри Стурлусоном, который содержит образцы поэзии скальдов начиная с IX века, расшифровку скальдических мифологических иносказаний или кеннингов и обзор мифологии в целом) [15].

В 1000 году Исландия была христианизирована и все мифологические сюжеты были трактованы Снорри Стурлусоном как аллегории. Одновременно с ним работал датский хронист Саксон Грамматик. Его работа «*Деяния датчан*» посвящена мифологическим сюжетам, в которых боги заменены королями и героями. Можно утверждать, что от всех известных Европейских мифологий, Скандинавская отличается наибольшей структурированностью [15].

Во временном аспекте скандинавская мифология делится на космогоническую (мифы о сотворении мира) и эсхатологическую (мифы о гибели мира). За пределами мифов о творении и гибели мира находятся многочисленные повествования о борьбе Богов с великанами (ётунами), карликами (цвергами) и др. [13].

Румынский историк М. Элиаде в своем труде «*Миф о вечном возвращении*» писал: «*Все повторяется до бесконечности и на самом деле под солнцем не случается ничего нового. Но это повторение <...> придает событиям реальность*» [16]. Этот круг вечного возвращения является основным мифологическим принципом, на котором построена скандинавская мифология. Для нее характерно одновременное бытование в двух измерениях:

первое измерение — это «здесь и сейчас»;

второе измерение наполнено временем внутренней мифологической системы, которое определяет и описывает эту систему (ее возникновение, развитие и гибель).

Вся скандинавская мифология, все действия богов и героев подчинены единому эсхатологическому сюжету, согласно которому неизбежна гибель мироздания в языках пламени или во вселенской стуже. Именно этот четкий сюжет отличает скандинавскую мифологическую систему от других индоевропейских систем [12].

НОВАЯ МИФОЛОГИЯ

Идея создания «новой мифологии» была выдвинута еще на рубеже XVIII–XIX веков. Она принадлежала теоретикам немецкого романтизма Ф. Шеллингу и Ф. Шлегелю. В это же время, независимо от немецких ученых, английский поэт Уильям Блейк предпринял первую практическую попытку осуществления этой же идеи. Здесь же стоит упомянуть шотландского писателя Дж. Макферсона и его, стилизованное под старину, произведение «*Поэмы Оссиана*», которое читатели восприняли как древний мифолого-героический эпос. Эти новаторские попытки мифотворчества не были по достоинству оценены ни читателями, ни критиками. Литература продолжала развиваться в ключе реализма XIX века [18].

В XX веке миф возвратился в литературу и был призван «заставить мир архаики и мир цивилизации объяснять друг друга» [19]. Мифологизм явился отличительной чертой литературы XX века, и это проявлялось не только в использовании мифологических сюжетов, образов или мотивов. Миф создавал иное мироощущение, позволяя выйти за социально-исторические и пространственно-временные рамки. Эта тенденция легко прослеживается в таких произведениях XX века как «*Улисс*» Дж. Джойса, «*Сто лет одиночества*» Г. Гарсиа Маркеса, «*Иосиф и его братья*» Т. Манна, «*Властелин Колец*» Дж. Р. Р. Толкина.

Толкин был уверен, что человеческое воображение способно мифологизировать любое памятное для него событие. Его творчество занимает особое место в литературе XX века — он создал первую в истории литературы целостную авторскую мифологию, воображаемый мир со своей «книгой бытия», историей, историческими хрониками, географией и даже языками. В мировой литературе нет аналога столь тщательно продуманному и проработанному вымышленному миру. Появление его романа «*Властелин Колец*» во второй половине XX века сыграло важную роль в становлении современного художественного мифотворчества.

В XX веке русский философ А. Ф. Лосев писал, что «*миф есть наивысшая по своей конкретности, максимально интенсивная и в наибольшей степени напряженная реальность. Это не выдумка, но — яркая и на самом деле оригинальная действительность*» [20]. А немецкий философ Ф.В. Шеллинг в свое время утверждал, что мифология должна обладать абсолютной объективностью и быть вторым миром [21]. Эту идею можно проследить и у Толкина — в эссе «*О волшебных сказках*» он рассуждал о создании «вторичного мира» и об авторе-творце. Перед автором встает задача сделать Вторичный мир максимально правдоподобным и из выдумки превратить в «наиболее яркую и подлинную действительность» [3].

Практически любой Вторичный Мир построен на основе мифа, так как именно миф помогает скон-

струировать внутренне убедительную, логичную и достоверную вселенную. Вторичный Мир можно сконструировать, переосмысляя традиционные мифы или используя их отдельные элементы. Нередко писатели создают собственную мифологию или переносят мифологических героев в современный мир. Писатель становится успешным «вторичным творцом». Он создает Вторичный Мир, в который получает доступ ваш разум. И в его пределах все, что рассказчик рассказывает, — «истинно» и согласуется с законами этого мира. Вы верите каждому слову, пока находитесь, так сказать, внутри, как только возникает недоверие — чары рушатся, магия (или скорее искусство) терпит неудачу, и вы снова оказываетесь в Первичном Мире, и глядите на жалкий, несостоявшийся Вторичный Мир извне [21].

Толкин говорил, что при создании Вторичного Мира важно породить Вторичную веру — «*любой человек может сказать, что солнце зеленое, но для того, чтобы создать Вторичный Мир, в пределах которого зеленое солнце покажется правдоподобным и породит Вторичную Веру, потребуется и труд, и работа мысли, и всенепременно — особое умение, что-то вроде эльфийского мастерства. Немногие берутся за дело столь непосильное. Однако когда попытка предпринята и цель отчасти достигнута, тогда перед нами — редчайшее из произведений*» [22].

МИФОТВОРЧЕСТВО ДЖ. Р. Р. ТОЛКИНА

Широко распространен тот факт, что Британия лишена собственной мифологии. Причина тому — географическое положение этой страны. Хорошо известно, что географический статус Британии — остров. Именно поэтому мифологическая Британия «впитывала» мифологии народов, ступавших на ее земли — кельтов, германцев, скандинавов, римлян и даже христианскую мифологию. Эта несправедливость не давала покоя ряду исследователей, историков и писателей, в том числе и английскому филологу и писателю, профессору Оксфордского университета Дж. Р. Р. Толкину. Он писал, что с самого детства его огорчала нищета его собственной страны — отсутствие собственных преданий того качества, что есть в мифологии других стран: «*Есть эпосы греческие и кельтские, романские, германские, скандинавские и финские; но ровным счетом ничего английского, ежели не считать дешевых изданий народных сказок*» [4].

Толкин видел причину бедности мифологической традиции его родной страны и в драматических последствиях Нормандского завоевания XI века, когда французская языковая экспансия стала трагедией для англосаксонского языка и культуры. Исконная британская культура распалась после битвы при Гастингсе, древнеанглийская героическая традиция была утеряна, за исключением англосаксонской эпической поэмы «*Беовульф*». Толкин не хотел

верить, что англосаксонский миф исчез. У него появилась мысль о создании альтернативной мифологии, какой могла стать мифология англосаксонского общества, если бы не Нормандское завоевание и не смешение английского и французского языков.

Толкин понимал мифотворчество по-своему и говорил о грандиозном мифопоэтическом замысле, осуществлению которого он посвятил всю жизнь: *«Некогда я задумал создать цикл более-менее связанных между собою легенд — от преданий глобального, космогонического масштаба до романтической волшебной истории; так, чтобы более значительные основывались на меньших в соприкосновении своем с землей, а меньшие обретали величие на столь величественном фоне; цикл, который я мог бы посвятить просто стране моей, Англии. Одни легенды я бы представил полностью, в деталях, но многие наметил бы только схематически, как часть общего замысла. Циклы должны быть объединены в некое грандиозное целое — и, однако, оставлять место для других умов и рук, для которых орудиями являются краски, музыка, драма»* [4].

В XIX веке британский историк и ученый У. Томс, автор термина «фольклор», выдвинул идею, что мифологию можно воссоздать *«...путем собирания бесконечного множества мелких фактов, относящихся к древним нравам, обычаям, обрядам, суевериям, балладам, пословицам и т. д., фактов, которые подобны колоскам, разбросанным по сжатому полю. Хотя многое полностью исчезло, столь же многое рассыпано в памяти тысяч и тысяч людей»* [23]. Можно сказать, что Томс описал труд всей жизни Толкина в одном предложении, так как основным мотивом мифотворчества последнего была попытка создать единый и целостный воображаемый мир.

Мир Средиземья, который Толкин изобразил в трех своих главных произведениях *«Сильмариллион»* (1977), *«Хоббит, или Туда и Обратно»* (1937) и *«Властелин Колец»* (1955) является первым в своем роде. Подобного шедевра мировая литература еще не видела. Толкину удалось создать свою собственную (авторскую) мифологию, которая поражает своей точной проработкой, сложностью повествования и абсолютной точностью. Мифологии Толкина не хватает лишь одной черты классического мифа — временных рамок, т. е. момента в истории, когда его Вторичный Мир мог бы существовать. Это позволило бы читателю поверить, осознать, что *Средиземье* создано не искусственно.

Толкин конструировал свой собственный миф на основе главных принципов и функций мифологии. Он разрабатывал собственные мифологические сюжеты, символы и образы, своих мифологических героев, основываясь на сюжетах северной мифологии: *«Магия, и мифология, и вымышленная «история», и большинство имен почерпнуты из неопубликованных измышлений, известных только моим до-*

машинам. На мой взгляд, они придают повествованию ощущение «реальности» и включают в себе нечто северное. Однако не знаю, стоит ли подводить доверчивых простецов к мысли о том, что все это заимствовано из «древних книг», или подталкивать просвещенных к искушению разъяснить, что это не так» [4].

Замысел Толкина может быть охарактеризован как попытка создать героический и «исторический» эпос на основе существующих мифологических преданий и придать им «ощущение реальности» [4].

Проследить все мотивы северной мифологии в произведениях Толкина — задача неохватная. В его работы вплетены как отдельные сюжеты северной мифологии, так и некоторые повторяющиеся темы. Так, мотив Кольца в северной мифологии можно встретить в *«Младшей Эдде»* и в *«Песни о Нибелунгах»*, где сокровище карлика Андвари лишь приумножало богатство. Позже бог Локи, отобрав кольцо у Андвари, накладывает на него проклятье, и отныне кольцо будет нести лишь раздор и смерть. О власти и могуществе речи в северной мифологии не шло. Мотив Кольца явился в произведениях Толкина ключевым и сюжетообразующим.

Наряду с мотивом Кольца можно найти и множество других примеров заимствований из северной мифологии в произведениях Толкина *«Хоббит»* и *«Властелин Колец»*: модель мироздания, мифические существа (цверги-гномы), священное в скандинавской мифологии число 9, образ орла, священной птицы бога-громовержца, мотив краденого золота и др.

Возрождение англосаксонской мифологической традиции в английской литературе Толкину увидеть не довелось, вместо этого, основываясь на мифологической традиции Европы, он создал свою собственную мифологию. Толкин проделал титанический труд по созданию Мира Средиземья и точной проработке народов этого мира, их истории, их прошлого и настоящего, их языков и обычаев. С выходом в XX веке романа *«Властелин Колец»* миру был подарен беспрецедентный литературный феномен.

Мифы, покрытые тайной, проходят через всю историю человечества. Мифотворчество — одно из важнейших явлений в мировой культуре, интерес к которому не угасает и в наше время, ведь через миф выражается мироощущение и миропонимание той эпохи, в которую он создается. Невозможно отрицать живучесть мифа, продолжающего сохранять свою ценность, что нельзя сказать о научном знании. Миф всегда пытался разрешить вопросы, находящиеся за гранью науки — вопросы рождения, смерти и судьбы человека. Миф всегда пытался объяснить то, что менее понятно, через что-то более понятное, не оставляя места для сомнений, колебаний и загадок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Найдыш В. М. Мифология / В. М. Найдыш. — Москва : КНОРУС, 2010. — 432 с.
2. Мелетинский Е. М. Мифология: иллюстрированный энциклопедический словарь / Е. М. Мелетинский. — Санкт-Петербург : НОРИНТ, 1996. — 843 с.
3. Лосев А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев. — Москва : Мысль, 2001. — 345 с.
4. Токарев С. А. Мифы народов мира: энциклопедия в 2 т. Т.1: А-К / С. А. Токарев. — Москва : Большая Рос. энцикл., 1998. — 671 с.
5. Стеблин-Каменский М. И. Миф / М. И. Стеблин-Каменский. — Санкт-Петербург : Наука, 2010. — 104 с.
6. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / Л. Леви-Брюль. — Москва : Педагогика-пресс, 1994. — 602 с.
7. Фундаментальная электронная библиотека — 2002. — Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encycloper/>. — дата обращения 25.10.2016.
8. Галанина Е. В. Миф как реальность и реальность как миф: мифологические основания современной культуры / Е. В. Галанина. — Москва : Академия Естествознания, 2013. — 348 с.
9. Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций / Дж. Вико. — Киев : REFL-book, 1994. — 618 с.
10. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки / Ф. Ницше. — Санкт-Петербург : Азбука, 2000. — 231 с.
11. Мюллер М. Лекции по науке о языке / М. Мюллер. — Санкт-Петербург : Либроком, 2013. — 303 с.
12. Королев К. М. Скандинавская мифология. Энциклопедия / К. М. Королев. — Москва : Локид-Пресс, 2007. — 585 с.
13. Токарев С. А. Мифы народов мира: энциклопедия в 2 т. Т.2: К-Я / С. А. Токарев. — Москва : Большая Рос. энцикл., 1998. — 720 с.
14. Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия Кругосвет — 1997-2015. — Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/religiya/SKANDINAVSKAYA_MIFOLOGIYA.html. — дата обращения 01.12.2016.
15. Стеблин-Каменский М. И. Исландские саги / М. И. Стеблин-Каменский. — Москва : АСТ МОСКВА, 2009. — 863 с.
16. Мирча Э. Миф о вечном возвращении / Э. Мирча. — Москва : Академический проект, 2001. — 239 с.
17. Бунин И. А. Собрание сочинений / И. А. Бунин. — Москва : Художественная литература, 1997. — 342 с.
18. Кабаков Р. И. «Повелитель Колец» Дж. Р. Р. Толкина и проблема современного мифотворчества: автореф. дис. канд. наук / Р. И. Кабаков. — Санкт-Петербург, 1989. — 17 с.
19. Аверинцев С. С. Попытки объясниться: беседы о культуре / С. С. Аверинцев. — Москва : Правда, 1988. — 280 с.
20. Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность / А. Ф. Лосев. — Москва : Мысль, 1994. — 919 с.
21. Шеллинг В. Ф. Философия искусства / В. Ф. Шеллинг. — Санкт-Петербург : Наука, 1998. — 520 с.
22. Толкин Дж. Р. Р. Сказки Волшебной страны / Дж. Р. Р. Толкин. — Москва : АСТ, 2010. — 413 с.
23. Карпентер Х. Дж. Р. Р. Толкин. Биография / Х. Карпентер. — Москва : ЭСКМО, 2002. — 432 с.

*Оренбургский государственный университет
Капишникова Е. Ю., магистрант кафедры английской
филологии и методики преподавания английского языка
E-mail: emalambri@gmail.com*

*Оренбургский государственный университет
Темкина В. Л., доктор педагогических наук, заведующий
кафедрой английской филологии и методики преподавания
английского языка
E-mail: temvl@mail.ru*

*Orenburg State University
Kapishnikova E. Y., Postgraduate of the Department of
English Philology and Methods of Teaching English
E-mail: emalambri@gmail.com*

*Orenburg State University
Temkina V. L., Doctor of Pedagogical Science, Head of the
Department of English Philology and Methods of Teaching
English,
E-mail: temvl@mail.ru*